

¹³ Степинова Н.А. Фольклор и мир шаманских образов // Традиционный фольклор в полиэтнических странах. Матер. II Междунар. науч. симп. «Байкальские встречи». Улан-Удэ, 1998. С. 8.

¹⁴ Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Указ. раб. С. 183.

¹⁵ Полевые записи автора. 2000 г. С. Орлик, Окинский р-н Бурятии.

¹⁶ Новик Е.С. Указ. раб. С. 201.

B.Ts. G o m b o y e v. Mountain spirits worship among the Okinskii district Buryats

This article offers a description of a mountain spirits summoning ritual personally attended by the author in July 2000 at the Zhakhana locality in the vicinities of Orlik settlement of the Okinskii district of the Buryat Republic.

The ritual was led by a local *khadasha*. This term denotes a specific category of priests and is mostly translated as «worshippers of mountain spirits». In the opinion of some scholars it is a relict of the white shamans once in existence among the Buryats.

The article features the complete text of the ritual in the Buryat language, its translation into Russian and a description of the accompanying actions, as well as an attempt at analyzing the ritual and its text.

© 2002 г., ЭО, № 2

Л.Ю. Дондокова

О СВОБОДЕ ДОБРАЧНЫХ ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ У БУРЯТ И МОНГОЛОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. (АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Во многих работах исследователей-путешественников конца XIX – начала XX вв. обнаруживается единодушное мнение о якобы изначальном и полном безразличии монгольских народов к чистоте семейно-брачных отношений. Это, в частности, подтвердил В.А. Рязановский, писавший о том, что «Исследователи единодушно отмечают свободу половых отношений у монгольских племен как в браке, так и до брака»¹. Он подтвердил это положение сравнением таких монгольских сборников законов, как древний «Цааджин-Бичик»², новый «Цааджин-Бичик»³ и законы «Права Автономной Монголии»⁴, предусматривавшие относительно небольшие штрафы за прелюбодеяния, с китайскими уложениями для Монголии, принятыми в 1789⁵ и 1815⁶ гг., которые требовали в ряде случаев смертной казни за подобные преступления, он приходит к выводу о крайней снисходительности монгольского общества и обычного права монголов к этому социальному пороку. Правда, В.А. Рязановский почему-то обходит молчанием положения «Халха Джирум», памятника монгольского феодального права XVIII в., в законах которого предусмотрены весьма суровые меры наказания за совершение прелюбодеяния. В различных случаях это мог быть штраф в 150 или 300 голов скота, и даже конфискация всего имущества с последующей отдачей виновного в рабы⁷. Из этого можно сделать вывод о том, что не только китайские уложения 1789 и 1815 гг., но и монгольские законы XVIII в. требовали строгого наказания за недозволенные отношения между полами. При этом, как известно из многочисленных письменных источников, относящихся к XIII–XV вв., законы «Великой Ясы» Чингис-хана за совершение прелюбодеяния наказывали еще более сурово. Так, один из фрагментов этого документа достаточно определенно гласил: «Прелюбодей предается смерти; без всякого различия, будет ли он женат или нет»⁸.

Тем не менее в XVIII–XIX вв. монгольские законодательные акты, в сравнении с китайскими уложениями (разработанными для монголов), действительно были более гуманными и снисходительными к совершившим прелюбодеяние. Такое же отношение мы находим в законодательных актах бурят. На это указывают, например, следующие факты: у бурят хоринских родов наказание для прелюбодеев, согласно «Положению 1808 г.», заключалось в порке обоих лиц и уплате прелюбодея в пользу мужа женщины коня. Любопытно, что в 1823 г. при составлении нового законодательного акта (Уложения 1823 г. 11 хоринских родов) *сайты* уменьшают наказание до порки и уплаты штрафа мужу женщины в виде любой двухгодовалой скотины. Затем, согласно «Хоринскому положению 1851 г.», виновные получают наказание лишь в виде 20 ударов по спине «розгами установленного образца»⁹. В обычном праве селенгинских бурят обнаруживается еще более снисходительное отношение к этому проступку. Согласно «Уложению 1775 г.», «женщину, девушку, мужчину, занимающихся распутством» требовалось просто «строго наказать прутьями». Однако при принятии в 1841 г. «Нового постановления о жизни и обычаях» пункт, касающийся недозволенных отношений между полами, вовсе исчезает¹⁰. О характере наказания за совершение прелюбодеяния у бурят Иркутской губернии сказать что-либо определенное нельзя. В Сборнике обычного права сибирских инородцев Д.Я. Самоквасова¹¹ подробно освещаются многие стороны жизни бурят Иркутской губернии, однако обнаружить какие-либо сведения по интересующей нас проблеме нам не удалось. В то же время отсутствие статей об обычном праве бурят, устанавливающих наказание за прелюбодеяние, нельзя считать свидетельством прекращения осуждения бурятами этого явления.

О том, что к концу XIX – началу XX вв. как у бурят, так и, несмотря на строгие законы «Халха Джирума» и китайских уложений, у монголов незаконные отношения полов были весьма распространены. Об этом свидетельствуют сообщения русских и иностранных исследователей и путешественников. В частности, русские исследователи А.М. Позднеев¹², Г.М. Осокин¹³ и В. Паршин¹⁴, характеризуя отношения между полами у бурят и монголов, определяли их как «свободные». В то время иностранные исследователи и путешественники, как-то: немецкий физик А. Эрман¹⁵, проезжавший в феврале 1828 г. через территорию Селенгинской степной думы, ученый-лингвист М.А. Кастрен¹⁶, совершавший в 1845–1849 гг. путешествие по Сибири, и знаменитый путешественник П.-С. Паллас¹⁷, посетивший бурят еще в 1772 г., утверждали о падении нравов у бурят. Причину этого явления они видели в широком распространении случаев незаконного сожителства некоторой части буддийского духовенства с женами мирян.

Распространению такого мнения в Европе способствовала работа немецкого антрополога доктора Г. Плосса, изданная в конце XIX в. В ней, в частности, также сообщалось о «падении нравов и разгуле разврата» в бурятском обществе: «У бурятов нет ни одной женщины, ни одной девушки, которая не была бы готова отдаться за деньги», вследствие чего «результатом такого разврата являются венерические болезни, свирепствующие в юртах Нерчинской степи; эти болезни почти неизлечимы, и многие делаются их жертвами»¹⁸.

Возможно, своеобразный характер отношений между полами действительно давал основание для возникновения такого мнения. Однако надо помнить об особом характере взаимоотношений между полами бурят и монголов и наличие среди них некоторых своеобразных обычаев.

Если говорить о добрачных отношениях среди монгольских народов, в частности о требовании целомудрия девушки до брака, то обнаруживаемые нами сведения на этот счет довольно противоречивы. Если, скажем, у калмыков в XIX в. при выборе невесты очень строго относились к целомудрию девушки¹⁹, то у монголов довольно распространенным явлением было, когда незамужняя девушка имела детей. При этом, если она впоследствии не выходила замуж, то она могла совершить обряд фиктивного бракосочетания, называемый у монголов «венчание с чайным кувшином» (*цайны*

домботой), после которого получала право носить наряд замужней женщины и вести себя как замужняя женщина, будучи в действительности незамужем²⁰.

Характер широко распространенного среди бурят обычая устраивать до свадьбы вечеринку – *наадан*, когда за несколько дней до свадьбы невесте давалась возможность полностью насладиться своей девичьей свободой и на которой в действительности, по словам исследователя И.М. Этагорова, «замечалась полнейшая свобода отношений»²¹, свидетельствует, что сохранению целомудрия у бурят не придавалось особого значения. Г.М. Осокин, описывая добрачную жизнь бурят, писал, что жених и невеста, разъезжая по улусам к своим родственникам и знакомым за несколько дней до свадьбы, «помимо пьянства и разгула, не особенно сдерживают и свои порывы. Как один, так и другая часто не считают ничем предосудительным изменять до брака, и окружающие также смотрят на это "баловство" вполне равнодушно»²². При этом он объясняет это тем, что «физическая близость полов до брака у бурят не считается предосудительной, ревность же почти неизвестна у них», хотя, все же, как он заключает: «...конечно, нельзя считать это общим правилом, и встречается оно все же не так часто»²³.

Свобода половых отношений до брака, по мнению многих наблюдателей и исследователей жизни монгольских народов, проявлялась и в существовании широко распространенных как у монголов, так и у бурят игр, заключительная часть которых обычно представляла собой интимные отношения молодежи. Об одной из таких игр, носящей название *Цагаан мод* или «кидать белую палочку» (*цагаан мод хаях*), упоминал в своих очерках Северо-Западной Монголии в конце XIX в. Г.Н. Потанин²⁴. Суть этой игры в следующем: в летнюю теплую темную ночь где-нибудь в степи собиралась группа юношей и девушек, делилась на две команды и выбирала судью, который забрасывал подальше в степь белую палочку длиной 15–20 см. Затем обе команды бросались ее искать: тот, кто нашел, громко извещал об этом и бежал с нею к судье, но по дороге соперничающая команда старалась ее отнять. Завязывалась веселая потасовка, и, пока одни дрались и отнимали друг у друга палочку, другие тихо исчезали в степи²⁵. Данные игры обычно считались рядовым развлечением молодого поколения монголов и одобрительно воспринимались стариками, ибо они были связаны с культом плодородия и были приурочены к смене хозяйственных сезонов года. В некоторых случаях игры включали в себя элементы скотоводческой магии – предохранения скота от отравления ядовитыми растениями. Тогда эти игры проводились во время цветения на пастбищах ядовитых трав, наносивших вред поголовью скота²⁶.

Согласно религиозным воззрениям бурят, женщина, ни разу не рожавшая, т.е. не имеющая детей, считалась грешным существом, которое после смерти становилось злым духом. Возможно, именно в связи с этим представлением у бурят невинность девушки до брака не представляла особой ценности; зачастую девушке, уже имевшей ребенка и тем самым доказавшей способность к деторождению, отдавалось предпочтение перед нерожавшей. Записи дневников Ц. Жамцарано, относящиеся к началу XX в., свидетельствуют о том, что «...родивших девушек берут нарасхват ради ребенка», при этом «...богачи женят своих сыновей в 7–8 лет на взрослой девушке, не сильно заботясь, чтоб ребенок был "свой", скорее заинтересованы молодой буряткой как "рабочей силой"»²⁷. В статьях по обычному праву бурят говорится о том, что родители девушки, рожавшей до замужества, должны были «...бережно принять младенца и рожденное дитя усыновить»²⁸. А если вдова после смерти мужа приживала от другого человека детей, то они записывались на имя покойного мужа, но только в тех случаях, когда она оставалась в роду мужа. Этот факт показывает, что вопрос о потомстве, особенно мужском, являлся весьма существенным в бурятской семье²⁹. В этой снисходительности бурят к рождению внебрачных детей, вероятно, сказывался и инстинкт самосохранения народа, естественный прирост которого к концу XIX в. шел на убыль. Малочисленность бурятской семьи в дореволюционное время объяснялась малодетностью, которая в свою очередь обуславливалась

относительно низкой рождаемостью и высокой смертностью детей. «Рождаемость у бурят в общем незначительна, – отмечал Г.М. Осокин, – в редких семьях есть более трех-четырех детей ...за последние годы процент рождаемости значительно сократился, что вместе с увеличивающейся смертностью дает возможность предполагать скорое вырождение инородца»³⁰.

Однако, если рассмотреть исследуемый нами вопрос более основательно, можно выявить немало сведений о том, что бурятами осуждалось такое положение, когда девушка рожала ребенка до замужества. Об этом говорят как легенды и предания бурят, так и пословицы. Так, у бурят-эхиритов, согласно легендам, девушка, рожавшая незамужней, убивала ребенка, чтобы скрыть свой позор³¹. У хонгодоров существовало предание о забеременевшей до замужества девушке, которая из-за гнева отца повесилась в кузнице на веревке из козьей шерсти³². О требовании сохранения целомудрия говорит и широко распространенная у бурят пословица: «Гремучее небо – без дождя, девица с известностью – без свадьбы»³³. Согласно пословице, девушка, запятнавшая свое имя нескромным (нецеломудренным) поведением, могла остаться незамужней. По некоторым сведениям, такая девушка в лучшем случае могла выйти замуж только за человека с каким-либо физическим недостатком или за вдовца³⁴.

Кроме того, существуют сведения о том, что у баргузинских бурят при выходе дочери замуж или женитьбе сына, обычно справляли специализированный праздник *милаанга* (*милаага*, *милаангууд*), однако девушке, родившей до замужества, этот праздник не справляли, ибо это считалось позором³⁵. Что касается обычая устраивать до свадьбы вечеринку – *наадан*, на которой, как уже сообщалось, проявлялась полнейшая свобода половых отношений у молодого поколения бурят, то отметим, что данный обычай уже к началу XX в. встречался не повсеместно, а у некоторых родов бурят вовсе считался ушедшим в прошлое, как, например, у аларских бурят, о чем сообщают дневниковые записи Ц. Жамцарано³⁶. А.В. Потанина, путешествуя в конце XIX в. по Восточной Сибири, также отмечала, что «...в настоящее время у бурят под влиянием христианства и русских, а также под влиянием буддизма целомудрие требуется и уважается»³⁷.

Любопытно также свидетельство Н.И. Затопляева, который по этому поводу сообщает, что у аларских бурят в старину существовал обычай избирать из своего рода для девушки, достигшей физиологической зрелости, парня-однолетка в качестве ее опекуна и наблюдателя за ее нравственностью, который «...должен был защищать ее от всех невзгод, а паче всего беречь ее девственность. Он даже мог спать с ней вместе. Под его надзором девушка могла отлучаться и в другой улус, так как в те времена девушка ничем не была гарантирована от разных неприятностей; ее могли украсть, изнасиловать и т.п. При выдаче девушки замуж опекун вел ее лошадь за повод (сама она лошадью не правила) и передавал ее мужу. Парень, сохранивший нравственность опекаемой девушки, пользовался большим почетом и потом считался другом дома; бывшая опекаемая и муж ее называли его «ахай» – старший брат. Но горе было тому опекуну, при котором не была соблюдена нравственность опекаемой: его били и затем постоянно презирали»³⁸.

Следует также упомянуть, что, хотя рожденный ребенок незамужней девицы записывался на имя ее отца и воспитывался наравне с родными детьми, в правовом отношении для него, согласно нормам обычного права бурят, все же существовали кое-какие ограничения. У хоринских родов бурят для такого ребенка, в частности, устанавливалось ограничение в праве пользования имуществом так называемых приемных родителей. Так, Хоринское положение 1851 г. гласит: «Ребенка, рожденного незамужней женщиной, записывать по ревизии на имя ее отца, также воспитание его до 18 лет поручить этому родителю. Но он не должен иметь отношения к движимому и недвижимому имуществу этого родителя»³⁹. В юридических нормах верхоленских бурят Иркутской области незаконнорожденный ребенок вовсе не обладал какой-либо правоспособностью, так как у них дети, рожденные вне брака, как от девиц, так и от вдов, причислялись к тому семейству, к которому относились их матери и призна-

вались за родных, но не имели каких-либо прав в связи с тем, что они считались «происходящими от женского колена»⁴⁰. Кроме того, по свидетельству Б.Э. Петри, незаконнорожденные дети у бурят получали обидную кличку «*шургете*»⁴¹.

Как видим, все эти противоречивые сведения, касающиеся характера взаимоотношения полов, свидетельствуют о том, что у монгольских народов отношение к добрачным связям было разное, поэтому утверждать о полной свободе отношений между полами до брака у монгольских народов не совсем верно.

Что касается супружеской неверности и распространения проституции у рассматриваемых нами народов, то по этому поводу исследователь истории и культуры бурят Юго-Западного Забайкалья Г.М. Осокин отмечает: «Незнакомая у бурят ревность и довольно своеобразный взгляд на супружескую верность исключают много недоразумений в совместной жизни, возникающих на этой почве. ...Супружеская жизнь не связана крепкими основами, чему виной отчасти бурятские ламы, которые в недавнем прошлом в свои посещения знакомых семей пользовались на правах почетного гостя женой хозяина; то же наблюдалось прежде и среди вообще знакомых между собой бурят. Жены хотя и тяготились таким правом, но не имели оснований противостоять обычаю»⁴². Хотя, по мнению самого Г.М. Осокина, к концу 90-х годов XIX в. такого обычая гостеприимства у бурят уже не существовало, потому как исчезновению его способствовала «зараженность многих лам, а также и большинства бурят», которая «сама собой постепенно вывела этот дикий обычай, и теперь об нем уже не слышно даже и в глухих улусах»⁴³. Известно, что данный обычай гостеприимства был распространен и у калмыков. П.-С. Паллас, описывая жизнь калмыков, отмечал, что «У калмыков от времени до времени, наблюдаются случаи, когда муж предоставляет свою жену другому»⁴⁴. На существование этого обычая у монголов указывает В.А. Рязановский⁴⁵.

А.М. Позднеев в своих дневниках путешествий по Монголии в 1892 г., говоря о распространении проституции в монгольском обществе, пишет: «Отцы и матери не только смотрят равнодушно на разврат своих дочерей, но еще бывают причинами их падения, продавая их за одно ...два листа чаю (16–32 руб.). Мужья без зазрения совести отпускают своих жен, лишь бы они приносили домой плату. ...Безбрачие лам и одинокая бессемейная жизнь богатых китайцев служат, без сомнения, главнейшими причинами разврата женщин, обнаруживающегося у них самих в самых ранних летах и в самых крайних размерах»⁴⁶.

Согласно монашескому уставу школы *гэлугпа*, которая среди прочих буддийских школ преобладала в Монголии, монахи должны были соблюдать обет celibата. Если же учесть, что число принявших духовный сан в Монголии было весьма значительным, то становится понятным, что это обстоятельство должно было неизбежно стать одной из причин возникновения проституции. Именно на это указывал И.М. Майский, который отмечал, что, несмотря на обет безбрачия, «едва ли больше трети или даже четверти лам действительно соблюдали заповедь воздержания. Достаточно сказать, что пятый ургинский хутухта умер в 1842 г. от сифилиса, а последний ургинский Богдо-гэгэн отличался в молодости крайне разгульным образом жизни, позднее же, к немалому скандалу среди всего духовного сословия, даже официально женился на одной из своих многочисленных любовниц. Если так ведут себя главы церкви, чего же требовать от ее рядовых служителей? Однако вступать открыто в брак монахи не могли, это им запрещали церковные каноны. И вот на выручку являлись незаконные сожителства различного рода, от прочных и длительных связей почти семейного типа до мимолетных встреч»⁴⁷.

На негативное влияние ламаистского духовенства, на нравы бурятского общества XIX в. указывали и иностранные ученые-путешественники. Немецкий физик и путешественник А. Эрман, проезжавший в феврале 1828 г. через территорию Селенгинской степной думы по приглашению Хамбо-ламы и посетивший Гусиноозерский дацан, характеризуя нравы забайкальских бурят, писал: «Здесь кочевники сами по себе добропорядочны и честны, но их нравы подвергаются порче со стороны лам,

которые составляют более 1/6 всего числа ламаистов. Именно безбрачие лам имело самые неблагоприятные последствия, так как "святые желтошапочники" совращали девушек не только в своих юртах, но и использовали для этой цели также и здания храмов»⁴⁸. При этом А. Эрман приводит, очевидно, со слов лам, религиозно-философское «обоснование» их отношения к женщинам: «По буддийскому вероучению, – писал он, – особенно святым делом для лам является пребывание их вблизи красивых и богато одетых женщин и достижение – путем страстного их созерцания – желательной степени бесстрастия»⁴⁹. П.-С. Паллас также сообщал о нарушении обета безбрачия ламами селенгинских монголов, у которых дисциплина среди ламского духовенства, по словам Палласа, «...настолько пала, что почти каждый лама держит в своем жилище или где-нибудь в соседней юрте молодую женщину из числа своих родственниц под видом экономки»⁵⁰. И, как подметил ученый-лингвист М.А. Кастрен, совершивший путешествие по Сибири в 1845–1849 гг., «небо благословляет именно бурятских лам многочисленным потомством, но при существующих отношениях им нетрудно сваливать вину этого на мирян»⁵¹.

И все же, несмотря на многочисленные сообщения о негативном влиянии ламаистского духовенства на нравственность, как в монгольском, так и в бурятском обществе, необходимо иметь в виду, что речь здесь идет не обо всех представителях данного сословия. Ибо, как и в любом другом обществе, встречаются различные типы людей, часть которых способствует складыванию отрицательного мнения, распространяющегося на все сообщество, к которому они принадлежат, по этой причине клеймить из-за них все сословие ламаистского духовенства было бы совершенно нелогично. Примечательно, что именно А.М. Позднеев, указывавший на влияние безбрачия лам на возникновение и распространение проституции, также придерживался подобного мнения, что не все ламы «ленивцы, тунеядцы и развратники», и утверждал, что «...ламы, живущие в степи, решительно ничем не разнятся от людей светских. Они существуют точно такими же честными трудами...»⁵². Говоря же о сожительстве лам с женщинами, А.М. Позднеев отмечал, что они «...живут точно такими же добрыми семьянинами, как и всякий монгол. Правда, сходясь с женщиной, лама не платит калыма, не совершает никаких религиозных церемоний, а просто перевозит в свою юрту возлюбленную и делает ее хозяйкой; правда, он не передает своего имени детям и в официальных списках хошуна его дети значатся при имени их матери; но все это ведь внешние формы, которые, при их обычности, мало имеют значения для нравственного чувства, – в сущности лама точно так же любит свою жену и детей, как и монгол, сочетавшийся браком при исполнении всех религиозных обрядов»⁵³.

Другая названная А.М. Позднеевым причина существования проституции в монгольском обществе – многочисленность проживавших в Монголии бессемейных китайцев – также представляется вполне обоснованной⁵⁴. Такое положение объяснялось тем, что китайские лавки в Монголии содержали большое число прислуги – в зависимости от богатства фирмы их могло быть от 5–6 и до 80 человек. Но, поскольку, согласно «Уложению китайской Палаты внешних сношений» от 1815 г., «китайцам, находящимся в Монголии, воспрещалось вступать в брак с монгольскими девицами и вдовами»⁵⁵, а единственным городом Монголии, где жили китайские женщины, был Кобдо⁵⁶, не остается сомнений в правоте А.М. Позднеева, который к тому же писал, что «обыкновенными посетителями этих учреждений (домов терпимости) бывают китайцы, живущие в звании приказчиков в больших китайских лавках, дети монгольских чиновников среднего класса и молодые ламы, живущие при своих родственниках и учителях»⁵⁷. На то, что проституция в Монголии была наиболее сильно развита в местах проживания китайцев, указывает и сообщение Б.Я. Владимирцова: «Китайские города и поселки в Монголии оказались наводненными монгольскими женщинами, занимавшимися гетеризмом разного рода...»⁵⁸.

Если говорить о распространенности проституции в бурятском обществе конца XIX – начала XX вв., отметим, что каких-либо упоминаний о существовании среди бурят публичных домов не обнаруживается, поэтому можем предполагать, что откры-

той формы проституции у бурят не существовало. Тем не менее многие исследователи указывали на большую распространенность венерических заболеваний среди бурят. По словам Г.М. Осокина, «сифилис у бурят с годами заметно увеличивался, в особенности в местностях вблизи монгольской границы», при этом, как он отмечал, «разсадниками сифилиса, не меньше монгол, являются и китайцы, среди которых (преимущественно жителей северных провинций) сильно распространяется»⁵⁹.

Как известно, обычаи и нравы любого народа, развиваясь на собственной основе, обычно обогащаются различными заимствованиями извне, хотя не все они бывают полезны и целесообразны. Изложенные выше сообщения – пример негативного влияния китайской культуры на культуру монголов и частично бурят, проживающих на территории Монголии, когда сильная развитость проституции в Китае способствовала возникновению и перемещению ее на соседние территории, влияя на падение нравов и распространение венерических заболеваний. О том, что проституция в Китае по своим масштабам превосходит все границы, сообщал в своих дневниках Ч. Валиханов, путешествуя в 1856 г. в Кульджу: «В Китае... "разрушительницы городов" считаются тысячами. Около Пекина в одном городке, где бывает в году один раз ярмарка, собирается до 700 штук этого товара. По Хуанхэ, на берегу, через каждые десять верст можно видеть шалаш, где обитает нежное существо для доставления всевозможного комфорта в дороге. Неприкосновенность женщин, законы стыдливости в Китае хотя и обеспечены законом, но, тем не менее, они находят возможность открыто предаваться разврату. ...Содомский грех, свойственный всем азиатским нравам, в Китае превосходит все границы»⁶⁰.

Таким образом, указанные нами исследователи и путешественники, отмечая свободу половых отношений у бурят и монголов, причины данного явления видели в 1) «их своеобразном взгляде» на супружескую жизнь, 2) безбрачии лам и 3) одинокой бессемейной жизни китайцев, проживающих на территории Монголии. Однако, на наш взгляд, существовали две другие более важные причины существования свободы половых отношений. Это, во-первых, крайне низкое социальное и экономическое положение в конце XIX – начале XX вв. большей части населения Монголии и Бурятии. Весьма странно, что А.М. Позднеев не назвал ее наряду с другими, хотя уже одна его фраза, что «...мужья без зазрения совести отпускают своих жен, лишь бы они приносили домой плату»⁶¹, наводит на эту мысль. Во-вторых, нарастающий процесс демографического кризиса бурят и монголов, вызванный значительным уменьшением естественного прироста населения.

Из всего вышесказанного можно заключить, что свобода внебрачных и брачных половых отношений у бурят и монголов вовсе не была изначально присущей и естественной чертой их жизни, а являлась результатом рассмотренных выше причин, которые вкуче в той или иной мере содействовали развитию указанных пороков, отмеченных разными путешественниками и исследователями в этот тяжелый для этих народов период.

Примечания

¹ Рязановский В.А. Монгольское право. Харбин, 1931. С. 123.

² По древнему «Цааджин-Бичик» прелюбодеяние, совершенное с сожительницами (наложницами) духовных (жрецов), совершенно ненаказуемо. Вступивший в связь с женою князя должен в знак раскаяния представить козу с козленком. Кроме этого есть пункт, в котором говорится: «За обычное прелюбодеяние учинивший его должен представить носителю четырехлетнюю лошадь, а учинившая прелюбодеяние – судье трехлетнюю». См.: Рязановский В.А. Монгольское право. Харбин, 1931. С. 37–38.

³ По монголо-ойратскому уставу 1640 г. «Новый «Цааджин-Бичик»», прелюбодеяние замужней женщины с мужчиной каралось штрафом: с женщины – 4 скотины, с мужчины – 5 скотин, девушки с мужчиной – для девушки нет кары, мужчина же карался девятью головами скота. См.: Там же. С. 58.

⁴ Согласно праву автономной Монголии мужчина, совершивший прелюбодеяние, платил мужу женщины конем с седлом. О наказании женщины не упоминается (вероятно, вследствие того, что не существовало). См.: Там же. С. 111.

⁵ Уложение китайской Палаты внешних сношений 1789 г. Данный законодательный акт за прелюбодеяние простых монголов между собою штрафовал виновного мужчину пятью девятками скота в пользу мужа женщины, а женщина отдавалась мужу, «чтобы убил ее». За прелюбодеяние с женой простого монгола князя I и II степени штрафовались девятью девятками скота; за прелюбодеяние с княгиней простой монгол подвергался изрезанию на куски, княгине же отрубалась голова, при этом семейство прелюбодея отдавалось в рабство. См.: Там же. С. 91.

⁶ Уложение китайской Палаты внешних сношений 1815 г. Согласно этому уложению, князя за прелюбодеяние с женами простолюдинов наказывались штрафом в пользу мужа от пяти до девяти девятков скота в зависимости от своего чина; за прелюбодеяние простолюдина с княгиней первого предписывалось изрезать на куски, второй отсечь голову; за прелюбодеяние раба с женой таджия полагалось наказывать смертью обоих виновных; за прелюбодеяние с женщиною равного звания простолюдин наказывался заключением в шейную колодку на I месяц и 100 ударами плетей, а женщина – 100 ударами плетей и откупом. См.: Там же. С. 99–100.

⁷ «Халха Джирум» – памятник монгольского феодального права XVIII в. По «Халха Джирум», согласно Закону 1709 г., с нойона, совершившего прелюбодеяние с женой простолюдина, взыскивалось сто пятьдесят андзу (размер андзу варьировался от 150 до 300 голов крупного и мелкого скота). В том случае, когда простолюдин сходил с княгиней, то конфисковалось все его имущество, а его самого превращали «в рабы раба среди подданных нойона княгини». Если же простолюдин прелюбодействовал с женой простолюдина, то с него взыскивалось триста андзу да еще тридцать редких вещей *бэркэ*. См: Халха Джирум. Свод. текст и перевод Ц.Ж. Жамцарано. Введение и примечания С.Д. Дылыкова. М., 1965. С. 50.

⁸ Леонтович О.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса, 1879. С. 190.

⁹ Цибилов Б.Д. Обычное право хоринских бурят. Новосибирск, 1992. С. 35, 70, 100.

¹⁰ Цибилов Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970. С. 43.

¹¹ Самоковцов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876.

¹² Позднеев А.М. Монголия и монголы. Т. I. СПб, 1896.

¹³ Осокин Г.М. На границе Монголии (очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья). СПб, 1906.

¹⁴ Паришин В. Поездка в Забайкальский край. Часть I. II. М., 1844.

¹⁵ Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX вв. о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Там же. С. 47.

¹⁸ Плосс Г. Женщина в естествознании и народоведении. Антропологическое исследование. Т. III. (Перевод с нем. издания, дополнено и переработано после смерти автора доктором М. Бартельсом). Сыктывкар; Киров, 1995. С. 51.

¹⁹ Шалхаков Д.Д. Семья и брак у калмыков в XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 11.

²⁰ Очир А., Галданова Г.Р. Свадебная обрядность баятов МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 50–51.

²¹ Этагоров И.М. Свадебный обряд у аларских бурят // Изв. Вост.-сиб. отд. Рус. геогр. общества. Т. 31. Вып. 1–2. Иркутск, 1900. С. 152.

²² Осокин Г.М. Указ. раб. С. 208.

²³ Там же. С. 211.

²⁴ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Ч. 2. СПб, 1881. С. 119.

²⁵ Жуковская Н.Л. Монголы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989. С. 253.

²⁶ Там же.

²⁷ Жамцарано Ц. Архив ОППВ ИМБИТ СО РАН. Фонд Ц. Жамцарано. Дело № 23. Дневник № 2.

²⁸ Цибилов Б.Д. Уложение 1823 г. 11 хоринских родов // Обычное право хоринских бурят. Новосибирск, 1992. С. 70.

²⁹ Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969. С. 45–46.

³⁰ Осокин Г.М. Указ. раб. С. 201.

³¹ Петри Б.Э. Брачные нормы северных бурят. Иркутск, 1924. С. 23.

³² Абаева Л.Л. Традиционные обряды предбайкальских родов селенгинских бурят // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 129.

³³ Намсараев Х.Н. Сборник бурятских пословиц. Архив ОППВ ИМБИТ СО РАН. Фонд Х.Н. Намсараева. Папка № 88.

³⁴ Басаева К.Д. Семейно-брачные отношения у бурят // Этнографический сборник БКНИИ СО СССР. Улан-Удэ, 1962. С. 50.

- ³⁵ Галданова Г.Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 139.
- ³⁶ Жамцарано Ц. Архив ОППВ ИМБит СО РАН. Фонд Ц. Жамцарано. Дело № 23. Дневник № 2.
- ³⁷ Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии и Китаю. М., 1895. С. 19.
- ³⁸ Заполяев Н.И. Некоторые поверья аларских бурят // Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири. Записки Вост.-Сиб. отдела Импер. рус. геогр. общества по этнографии. Т. II., Вып. 2. Иркутск, 1890. С. 8.
- ³⁹ Цыбиков Б.Д. Обычное право хоринских бурят. Новосибирск, 1992. С. 70.
- ⁴⁰ Залкинд Е.М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX века. М., 1970. С. 119.
- ⁴¹ Петри Б.Э. Брачные нормы у северных бурят. Иркутск, 1924. С. 21.
- ⁴² Осокин Г.М. Указ. раб. С. 201–205.
- ⁴³ Там же. С. 205.
- ⁴⁴ Плосс Г. Указ. раб. С. 300.
- ⁴⁵ Рязановский В.А. Указ. раб. С. 123.
- ⁴⁶ Позднеев А.М. Указ. раб. С. 137.
- ⁴⁷ Майский И.М. Монголия накануне революции. М., 1959. С. 55.
- ⁴⁸ Гирченко В.П. Указ. раб. С. 68.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 47.
- ⁵¹ Там же. С. 74.
- ⁵² Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста, 1993. С. 176.
- ⁵³ Там же. С. 177.
- ⁵⁴ Данное мнение и его обоснование высказаны А.Г. Сазыкиным. См.: Сазыкин А.Г. История Чойжид-дагини. М., 1990. С. 242.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Позднеев А.М. Монголия и монголы. С. 327.
- ⁵⁷ Там же. С. 116.
- ⁵⁸ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Ленинград, 1934. С. 192.
- ⁵⁹ Осокин Г.М. Указ. раб. С. 211.
- ⁶⁰ Валиханов Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 104.
- ⁶¹ Позднеев А.М. Монголия и монголы. С. 137.

L.Yu. Dondokova. On the freedom of pre-marital sex relations among the Buryats and Mongols at the turn of the 19th – 20th centuries (an analysis of literary sources)

In the works of some researchers and travelers' diaries of the 19th – 20th centuries there are statements on the low level or even collapse of moral principles and on the flourishing of prostitution among the Mongolian race of peoples, and among the Buryats and Mongols in particular.

On the basis of her analysis of literary and archival sources the author arrives at a conclusion that such statements are not quite justified as the freedom of sexual intercourse had been not due to their in-born quality but a consequence of their hard social-demographic situation.